

М.В. ФЛЯГИНА
(Ростов-на-Дону)

ОБ УКРАИНИЗМАХ В СОСТАВЕ ДОНСКОЙ НАРОДНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Рассматривается роль наименований украинского происхождения в формировании лексической системы донских говоров. Непосредственное соседство и многовековые контакты донских казаков с украинцами не могли не вызвать сложных языковых процессов, результатом которых стало формирование уникальной по составу лексической системы, в которой на равных сосуществуют лексические единицы как общевосточнославянского происхождения, так и появившиеся в говорах в период после выделения русского и украинского языков из названного языкового единства.

Ключевые слова: украинизм, лексико-семантическая группа, географический апеллятив, семантический сдвиг, ареал.

Интерес к лексике украинского происхождения в составе русских народных говоров, возникший более полувека назад, не иссякает и сегодня. Донские говоры как говоры вторичного образования, территориально примыкающие к украинским диалектам, испытали на себе значительное влияние последних. Об этом ещё в 1920-х гг. писал А.В. Миртов [7], тремя десятилетиями позже взаимовлияние двух известных диалектных зон изучали С.Б. Габ [2] и В.А. Магин. В конце XX в. участие малороссов в формировании языка и культуры донских казаков вновь стали исследовать в связи с новым – этнолингвистическим – подходом ростовские лингвисты и этнографы. По утверждению Б.Н. Проценко, «ведущую роль в донском этногенезе играли великороссы, особенно на Верхнем Дону, Хопре и Медведице, участвовали в нем также малороссы и представители кочевых тюркских и иных этносов» [9, с. 80]. Самые ранние сведения о появлении украинцев на Дону относятся к 70-м гг. XVI в. Значительным был приток малороссов в XVII в., после подавления крестьянских восстаний. В XVIII в. было одно из самых многочисленных украинских переселений, которое специалисты нередко называют колонизацией Дона. Ранние переселения были связаны в

основном с Запорожской Сечью. Донские казаки к этому времени сформировались как военное сословие и поэтому не занимались земледелием. Рядом с ними возникали украинские поселения, жители которых были преимущественно земледельцами и ремесленниками. Обычно украинцы размещались достаточно компактно, поэтому многие места носят наименование слободы. Малороссы переносили на Дон особенности своего говора, который смешивался с южнорусскими, – таким образом образовывался новый тип смешанного говора.

Безусловно, наибольшее количество слов, являющихся по происхождению украинскими, обнаруживается среди народнохозяйственных терминов (*крынка, жменя, цибарка* и др.), однако немалое число наименований отмечается и среди апеллятивов, обозначающих особенности природного мира. Народная географическая терминология, являясь одним из самых древних и наиболее устойчивых лексических пластов (наряду с наименованиями флоры и фауны), может свидетельствовать о генезисе самих носителей языка, заключает в себе не только информацию о географических условиях проживания отдельно взятого этнического коллектива, но и о его связях (прежде всего языковых) с другими членами социума. По свидетельству А.В. Миртова, древнейшие донские поселения были по Северскому Донцу и Деркулу, здесь, по утверждению ученого, имеются следы первоначального заселения Дона новгородцами, с одной стороны, и обильны украинские формы (лексические, фонетические) вследствие активности контактов казаков с украинцами – с другой [7]. Можно предположить, что украинские географические термины проникли в донские казачьи говоры в один из самых ранних периодов формирования донского диалекта.

Старое казачье слово *чичóра* ‘гора’ сегодня редко встречается в речи диалектоносителей, записи этого термина в донских говорах единичны (*Пад ентай чичёрай пиридахнём* (Бог.) [1, с. 582]). В других русских говорах слово в этом значении, по данным диалектных словарей, неизвестно. Между тем этимология слова указывает на его древность, исконность географического значения. Форма *чичóра* – по-видимому, результат фонетического чередования звуков [к] / [ч], имеет соответствия практически во всех славянских языках и диалектах, ср.: болг. диал. *кичерá* ‘склон с густым

молодым лесом, который подходит к лугам и нивам»; серб.-хорв. горные топонимы *kičer, kicer, kičerj*; укр. *kičera, kéčeri* 'гора, покрытая лесом кроме вершины', 'крутая гора, обросшая лесом'; словацк. *kučer* 'крутой голый холм'; моравск. *Kučera* 'холм' [4; 5]. Этимологи (Куркина, Иллич-Свитиц, Фасмер) основу **kučera* связывают с древней общеславянской основой **kyka / kuka* 'изгиб, крюк' [16, т. 2, с. 403]. Термин возник на основе метафорического переноса названия еще в праславянский период (имеет соответствия в балтийских и германских языках). Куркина считает, что термин карпатский по происхождению и проник в другие славянские диалекты в разные периоды миграции славян (в частности, в украинские) [4, с. 45]. Все это позволяет сделать вывод о том, что донской географический термин *чи́чора* был заимствован из украинского языка, причем, по-видимому, в относительно ранний период контактов донских казаков с украинцами.

Лексема *криница* наиболее активно употребляется в донецких и нижнедонских говорах, на традиционных территориях расселения малороссов. По нашим полевым записям, слово практически не встречается на Среднем Дону, а в верхнедонских говорах хотя и употребляется, но осознается как чужое: *Криница – эта у хахлах, а у нас калодизь, ключавая вада* (Веш.). Таким образом, сами диалектоносители указывают на источник появления наименования в говорах. По данным «Словаря русских народных говоров», словаря Даля и областных словарей, *криница* и ее фонологический вариант *крынница* хорошо известны на русском юго-западе в говорах Смоленской, Орловской, Курской, Рязанской, южной части Тверской областей, а также на Дону и Кубани, в которых они соотносятся со следующими значениями: 'ключ, родник' (смол., курск., ряз., твер., дон., новорос.), 'ручей' (курск.), 'мелкий колодец; небольшая ямка с водой, в которую ставится бочка или чан' (твер., дон., новорос., курск., смол.) [10, с. 257]. В северно- и восточнорусских говорах эти слова не встречаются, что объясняется особенностями происхождения форм: *криница, крыница* проникли в южнорусские говоры с украинско-белорусской территории (ср. укр. *криниця (кирниця)* 'ключ, родник, источник', блр. *крынiца* 'родник' [3, т. 2; 18]).

Лексема *скель* и ее дериваты широко представлены в говорах Дона. Слово *скель* имеет надежную этимологию: Фасмер связывает его с общеславянским географическим тер-

мином *скала* [16, т. 3, с. 638], который имеет соответствия практически во всех славянских языках, а также в близкородственных (ср. лит. *skeliu*, лтш. *skala, skals*, гот. *skilija*) и, по-видимому, мотивирован значением праиндоевропейского глагола с корнем **(s)kō/ēl-* 'разрубать, раскалывать' [17, т. 2, с. 166]. Древнерусская форма апеллятива *скальва* зафиксирована Срезневским и датируется XII в. [13, т. 3, с. 363], в таком виде слово унаследовано белорусским и украинским языками и известно в русских говорах. Однако в украинских говорах параллельно с формой *скала* активно используется форма *скеля* [5, с. 249], которая, очевидно, и иррадиировала в донские говоры. На Дону лексема *скель* соотносится со следующими значениями: 'скала', 'скалистый берег', 'одиночная гора с каменными выступами', 'возвышенность, холм'. Как видно, в донских говорах под влиянием украинского языка и в силу некоторых экстралингвистических факторов (географические условия) произошел семантический сдвиг 'каменная глыба' → 'гора'. *Скель*, по-видимому, изначально – выход горных, скальных пород в обрывистом берегу. Это типично для русла Северского Донца и его притоков. Указанное первичное значение послужило основой для развития семемы 'скалистый берег, утес' (в результате метонимического переноса). Что касается развития значения 'гора' у лексемы *скель*, то оно, вне всякого сомнения, произошло в результате семантического перехода 'берег' → 'гора', описанного Н.И. Толстым [15, с. 244].

Несмотря на то, что слово *скель* и его дериваты известны на значительной территории донских говоров, большей семантической расчлененностью отличаются лексемы, распространенные в говорах бассейна Северского Донца, что объясняется очевидными экстралингвистическими причинами. В указанных говорах лексема используется в значениях 'скала' (*Скель, эта значит абрывистая скала, ана пряма над ней фсигда гадюк ганяли* (Чернец.)) и 'скалистый берег' (*Тожы скель такой высокоай, абрыу и каминь, вот эта называица скель* (Евс.)). В значении 'скала' лексема распространилась и в верхнедонских говорах. В Донецком кряже нередко встречаются огромные скалы, что дало основание местным жителям отождествлять их с горами и даже давать им названия: *Вот у-нас примерна скеля на эту сторану, скеля называица Сибирякова, а там Анохина* (Чернец.). Используется лексема *скель* и для обозначения небольшой возвышенности, холма, в таком значении

слово зафиксировано на Нижнем Дону: *Скель? Да эта холмик малинький у стяпи* (Баг.) [1, с. 487]. В данном случае мы имеем дело с семантическим сдвигом, в результате которого произошел переход названия с объекта большего по величине на объект меньший, такое явление нередко в сфере географической терминологии и связано с активизацией признака величины объекта, следствием которой часто является смена денотата.

Материал донских говоров, помимо семантической неоднозначности лексемы *скель*, демонстрирует и ее морфологическую вариантность (слово используется в говорах как в форме женского рода, так и в форме мужского), кроме того, лексема представлена тремя фонетическими вариантами: *скель – скеля – скелья*. В форме *скелья* лексема чаще употребляется со значением ‘скала’: *Скельи жы бальшыи, каминьи могут быть* (Груш.). Лексема *скельник* и ее уменьшительно-ласкательный вариант *скельничек* распространены в донских говорах значительно уже и с меньшим слобором семем. Наиболее общим значением слова *скельник* в донских говорах является ‘разрытая каменная гора’. В отдельных говорах *скельником* называют каменные, скалистые выступы на возвышенном месте или берегу реки: *А мы абычна вот тут вот нат скельничкам были, сиделки устраивали, а вот скельники, видиш, скель, ну бугор, а патом скельник там растёт, он раньшы вышы был* (Красносул.). Лексема образована по продуктивной в говорах словообразовательной модели: мотивирующая основа (*скел-*) + собирательный суффикс (*-ник-*). Таким образом, особенности семантики и ареала лексемы *скель* и ее производных позволяют предположить, что *скель* – лексема украинского происхождения, проникшая в донские говоры в один из периодов переселения украинцев на Дон.

В говорах нижнедонской диалектной зоны в значении ‘пологий’ интенсивно используются прилагательные, являющиеся старыми заимствованиями из украинского языка – *паховый* и *спуховый* (ср. укр. *спуховий, спуховато* [3, т. 4, с. 192]).

Лексема *став* ‘пруд’ хорошо известна в донецких и нижнедонских говорах и крайне редко встречается на Верхнем Дону (*Висной ставы вадой набратыи* (Кочт)). Деминутив *ставок* употребляется в говорах также для обозначения вырытого пруда, отличающегося от балочного меньшими размерами: *Стафки люди сами делают, када вады нету* (Каз.)

[1, с. 507]. У Даля находим следующее определение: «Став, ставок, ставочек, юж. нврс. зап. млрс. пруд, запруда». Особенности донского ареала распространения апеллятива и его дериватов и географические пометы у Даля с очевидностью свидетельствуют о проникновении лексемы на Дон с украинской территории, где она известна и в литературном языке, и в народных говорах (ср. укр. *став* ‘пруд’, уменьш. *ставок, ставочок*, диал. *став, ставок* ‘место, где раньше был пруд’ [3, т. 4; 5]). Кроме украинского языка, в значении ‘пруд’ формы от **stavъ* известны в белорусском и польском языках. Вероятно, наименование этимологически связано с глаголом **staviti*. У Фасмера приводится сравнение с ср.-нж.-нем. *stouwen* ‘запруживать, задерживать’ [16, т. 3, с. 742].

Непосредственное соседство и многовековые контакты донских казаков с украинцами не могли не вызвать сложных языковых процессов, результатом которых стало формирование уникальной по составу лексической системы, в которой на равных сосуществуют слова как общевосточнославянского происхождения, так и лексические единицы, появившиеся в говорах в период после выделения русского и украинского языков из общевосточнославянского языкового единства.

Список литературы

1. Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; фак. филологии и журналистики; каф. общ. и сравнит. языкознания. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003.
2. Габ С.П. Говоры Ростовской области. Ростов н/Д.: Ростовский ун-т, 1965.
3. Грінченко Б.Д. Словник української мови: в 4 т. Київ, 1907–1909.
4. Куркина Л.В. Названия горного рельефа (на материале южнославянских языков) // Этимология. 1977. М.: Наука, 1979. С. 39–54.
5. Марусенко Т.А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // Полесье. М.: Наука, 1968. С. 206 – 255.
6. Миртов А.В. Казачьи говоры. 2-е изд. Новочеркасск: Севкавказ, 1926.
7. Миртов А. В. Украинцы на Дону (Украинизм в донских говорах) // Труды Северо-Кавказской ассоциации НИИ., № 90. НИИ экономики и культуры. 1930. Вып. 9.
8. Проценко Б.Н. Русско-украинское этноязыковое пограничье Юга России // Актуальные проблемы диалектологии: тез. докл. межвуз. науч. конф. 24–26 нояб. 1999 г. Вологда: Русь, 2000. С. 38–40.
9. Проценко Б.Н. Этнолингвистическая концепция происхождения и характера культуры дон-

- ских казаков // Наука о фольклоре сегодня: междисциплинарные взаимодействия. К 70-летию юбилею Ф.М.Селиванова. Междунар. науч. конф. (Москва, 29–31 окт.). М.: Диалог, МГУ, 1998. С. 80–83.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Л.: Наука, 1979.
11. Словник староукраїнської мови (XIV–XV ст.): у 2 т. Київ: Наук. думка, 1978.
12. Соколова А.А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007.
13. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М.: ГИС, 1958. Т. 1–3.
14. Супрун В.И. Коренное украинское население Поволжья и Подонья: от появления до перехода в статус скрытого меньшинства // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11–12 нояб. 2009 г.). Киев – Москва – Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М. А. Шолохова, 2010. С. 120–125.
15. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология (семасиологические этюды). М.: Наука, 1969.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 2-е изд., стер. М.: Русский язык, 1994. Т. 1–2.
18. Яшкин И.Я. Топографическая и гидрологическая лексика Белоруссии и западной части РСФСР // Топонимия Центральной России. М.: Мысль, 1974. С. 172–176.
- * * *
1. Bol'shoj tolkovyj slovar' donskogo kazachestva / Rostov. gos. un-t; fak. filologii i zhurnalistiki; kaf. obshh. i sravnit. jazykoznanija. M.: Russkie slovari: Astrel': AST, 2003.
2. Gab S.P. Govory Rostovskoj oblasti. Rostov n/D.: Rostovskij un-t, 1965.
3. Grinchenko B.D. Slovník ukraїns'koї movi: v 4 t. Kiїv, 1907–1909.
4. Kurkina L.V. Nazvanija gornogo rel'efa (na materiale juzhnoslavjanskich jazykov) // Jetimologija. 1977. M.: Nauka, 1979. S. 39–54.
5. Marusenko T.A. Materialy k slovarju ukrainskih geograficheskikh apelljativov (nazvanija rel'efov) // Poles'e. M.: Nauka, 1968. S. 206 – 255.
6. Mirtov A.V. Kazach'i govory. 2-e izd. Novocherkassk: Sevkvavniga, 1926.
7. Mirtov A. V. Ukraincy na Donu (Ukrainizm v donskih govorah) // Trudy Severo-Kavkazskoj associacii NII № 90. NII jekonomiki i kul'tury. 1930. Vyp. 9.
8. Procenko B.N. Russko-ukrainskoe jetnojazykovoe pogranič'e Juga Rossii // Aktual'nye problemy dialektologii: tez. dokl. mezhvuz. nauch. konf. 24–26 nojab. 1999 g. Vologda: Rus', 2000. S. 38–40.
9. Procenko B.N. Jetnolingvisticheskaia koncepcija proishozhdenija i haraktera kul'tury donskih kazakov // Nauka o fol'klore segodnja: mezhdisciplinarnye vzaimodejstvija. K 70-letnemu jubileju F.M.Selivanova. Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 29–31 okt.). M.: Dialog, MGU, 1998. S. 80–83.
10. Slovar' russkich narodnyh govorov. Vyp. 15. L.: Nauka, 1979.
11. Slovník staroukraїns'koj movi (XIV–XV st.): u 2 t. Kiїv: Nauk. dumka, 1978.
12. Sokolova A.A. Landshaft v sisteme tradicijnyh prostranstvennyh predstavlenij: geograficheskaia interpretacija dialektnyh obrazov. SPb.: LGU im. A. S. Pushkina, 2007.
13. Sreznevskij I.I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka. M.: GIS, 1958. T. 1–3.
14. Suprun V.I. Korennoe ukrainskoe naselenie Povolzh'ja i Podon'ja: ot pojavlenija do perehoda v status skrytogo men'shinstva // Ukrainistika v Rossii: istorija, sostojanie, tendencii razvitija: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 11–12 nojab. 2009 g.). Kiev – Moskva – Ufa: Izd-vo Ufinskogo filiala MGGU im. M. A. Sholohova, 2010. C. 120–125.
15. Tolstoj N.I. Slavjanskaja geograficheskaja terminologija (semasiologicheskie jetjudy). M.: Nauka, 1969.
16. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N.Trubacheva. M.: Progress, 1986–1987.
17. Chernyh P.Ja. Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka / 2-e izd. ster. M.: Russkij jazyk, 1994. T. 1–2.
18. Jashkin I.Ja. Topograficheskaja i gidrologicheskaja leksika Belorussii i zapadnoj časti RSFSR // Toponimija Central'noj Rossii. M.: Mysl', 1974. S. 172–176.

Considering the Ukrainisms in the Don folk geographic terminology

There is considered the role of nouns of the Ukrainian origins in the formation of the vocabulary system of Don dialects. Close geographical position and long contacts between Don Cossacks and the Ukrainians couldn't but favour complicated linguistic processes which resulted in formation of the unique lexical system with the equal role of the words of the general East Slavic origins and the lexical units that appeared in the dialects in the period after differentiation of the Russian and Ukrainian languages.

Key words: *Ukrainism, lexical and semantic group, geographic appellative, semantic shift, area.*

(Статья поступила в редакцию 18.10.2015)